

*Посвящается друзьям,
осветившим дремучие заросли, —
Анне Вильсон и Паулю Даниэльссону*

Такую подпись отправителя редко встретишь в подобных еженедельных изданиях. Я листаю журнал, сидя в холле перед кабинетом врача. Колонка, на которой остановился мой взгляд, называется «Задайте вопрос медиуму», заголовок гласит: «Помнит ли меня предмет моей девичьей любви?» В конце подпись: «Видящая сны». Возвышенный и серьезный, текст выделяется среди многочисленных рецептов кексов и советов о том, как сохранить луковицы гиацинтов зимой и вывести пятна с шелковой ткани. Начинаю читать с нарастающим интересом:

Уважаемая Моника,

Пишу Вам в связи с тем, что в последние месяцы меня посещают все более яркие воспоминания о молодом человеке, с которым я общалась в юности. У нас был короткий, но бурный роман летом 1955 года. Он учился в Высшей художественной школе и провел пару недель в принадлежавшем моей матери пансионате на полуострове Бьерё. Расставшись при достаточно драматичных обстоятельствах, мы никогда с ним больше не виделись.

САРА ПАБОРН

Год назад скончался мой муж. Мы прожили вместе шестьдесят лет, и наша совместная жизнь была плодотворной и счастливой, даже несмотря на отсутствие детей. В те годы я редко вспоминала другого, но последнее время мысли о нем приходят на ум все чаще, и он начал сниться мне ночами. Что это означает? Пытается ли он связаться со мной или это просто иллюзия, возникшая в моем мозгу? Мне 79 лет. Благодарю за скорый ответ.

Видящая сны

И ответ медиума, мягко говоря, удивляет; вот она на фото — упитанная женщина с гладким лицом и каким-то подобием тиары на голове.

Уважаемая Видящая сны,

Ваша старая любовь жива! Я отчетливо вижу стильного мужчину, теперь седовласого. На нем рубашка светло-голубого цвета, и он радостно машет рукой. Иногда люди, которые были близки друг другу, могут оставаться в тесном духовном контакте даже спустя много лет. Довольно часто случается так: человек чувствует, что другой попал в затруднительное положение и нуждается в его помощи. А еще, вполне возможно, у Вас остались непроработанные эмоции. По какой причине вы разорвали отношения? Вы пишете, что расстались при драматичных обстоятельствах. Может быть, Вам необходимо глубоко разобраться в этом, чтобы обрести душевный покой? Вы не знаете, где находится возлюбленный Вашей юности? Если нет, не пробовали ли Вы такой простой способ, как поискать данные о нем в интернете? Желаю Вам большой удачи!

С наилучшими пожеланиями,

Моника

Увлечшись, я не сразу слышу, как меня вызывает психотерапевт. Прошло целых шестьдесят лет. И потом, как это — задать вопрос человеку, с которым автор письма незнаком и даже никогда не встречался? А что, если медиум ответила бы: «Он давным-давно тебя забыл. Да и никогда особенно тобой не интересовался. И, кстати, он уже на том свете».

С неохотой оставляю журнал на столике и здороваюсь за руку с Йуаром. Я приходила к нему всего несколько раз, но он уже кажется мне старым знакомым. Возможно, Йуар напоминает мне кого-то из участников «Евровидения» времен моей молодости. Вьющиеся каштановые волосы подстрижены под пажа, слегка сутулый, одет в черные облегающие джинсы, и удивительно добрые глаза создают приятное ощущение, будто давно знаешь этого человека. Врач распахивает передо мной дверь в кабинет, где уместились два синих кресла и большой письменный стол. Солнечный свет падает на маленький фанерный столик, на котором стоит обязательная коробка с бумажными носовыми платками. Достав медицинскую карточку, успевшую, к моему беспокойству, растолстеть, Йуар присаживается. На поясе джинсов побрякивает связка ключей.

— Ну, как ваши дела? — спрашивает он, приветливо глядя на меня.

— Ужасно, — отвечаю я.

Йуар улыбается.

— Вы делали упражнения на расслабление, о которых мы договаривались в прошлый раз?

— Да, но мне очень трудно сосредоточиться. И потом, я не чувствую разницы. Кажется, все безнадежно. Я начинаю ерзать в кресле.

— Если что-то кажется безнадежным, это еще вовсе не значит, что оно действительно безнадежно, — напоминает мне Йуар. — Эффект от упражнений обычно появляется спустя несколько недель. Дайте им шанс. А иначе мы так никогда и не узнаем, могут ли они помочь вам.

Я смотрю на врача с недоверием. Йуар молод, ему, наверное, лет тридцать, но создается впечатление, будто он обладает незыблемой репутацией. На стенах висят репродукции картин. Письменный стол красиво убран. На доске нарисовано несколько треугольников с подписью: «Автоматические мысли».

— А этот звук вообще существует? Или я сама его выдумала?

— Вы его ощущаете, значит, он существует. Разве нет? — Йуар внимательно смотрит на меня. — Некоторым очень мешает даже еле уловимый звук, а другие слышат его громко и отчетливо, но почти никак не реагируют. Все зависит от личного восприятия.

Доктор начинает листать лежащую на коленях папку. Я обращаюсь к нему по такому количеству поводов, что их необходимо регистрировать по порядку. Звон в ушах — это, наверное, самая маленькая из моих проблем. Мы имеем: вину за то, что я бросила Тома, наградив Оскара разведенными родителями; роман с Эриком и разрыв отношений; последовавшее за этим публичное унижение, утрату Эрика и вялотекущую депрессию. Добавьте сюда тревогу по поводу работы, точнее, ее отсутствия. Звон в ушах — скорее, вишенка на торте.

— После вашего последнего визита я почитал про звон в ушах, — говорит Йуар, кивая. — Многие думают, что это проблема современности, связанная с

шумовыми травмами, но, похоже, она существовала на протяжении всей истории человечества. Я наткнулся на несколько интересных вещей. Например, на текст о медицинских методах лечения эпохи фараонов в Древнем Египте. Страдающим этим недугом в ухо наливали специальное масло, чтобы расколдовать.

Вытащив листок из стопки бумаг, Йуар продолжает:

— А Аристотель полагал, что это звенит заблудившийся в ухе ветер. Считалось, что человек со звоном в ушах обладает сверхъестественными способностями — даром предвидения, способностью путешествовать во времени и так далее. Другими словами, это было по-своему круто. Правда, принятый тогда метод лечения нельзя назвать эффективным. Просто в черепе сверлили отверстие, чтобы выпустить застрявший там ветер. Пациент, понятное дело, в процессе операции умирал. Так что врачи с этим покончили. Дырок больше не сверлят.

Йуар улыбается, обнажая щель между передними зубами.

— Кстати, попить не хотите? Здесь жарковато.

Он наливает в стакан воды из кувшина.

Йуар обручен, на пальце — скромное кольцо. К осени станет отцом. Мне кажется, он счастлив, по крайней мере, создается такое впечатление. Я представляю себе, как заботливо относятся друг к другу Йуар и его девушка. Как прислушиваются друг к другу. Пара, в которой партнеры никогда без необходимости не повышают голос и способны обеспечить друг другу ощущение безопасности. Я задумываюсь: а есть ли у Йуара старая любовь, которая подспудно не дает ему покоя? Не думаю. Если и была, он наверняка давно уже разобрался с ней, расставив все точки над «и». Йуар

предпочитает жить настоящим, он не из тех, кто пережевывает прошлое. Такие люди верят, что главное — определиться.

Во время наших встреч я делаю записи, которые потом, как правило, прибираю в «надежное» место. Мне кажется, если я все равно без дела слоняюсь по дому, у меня может возникнуть желание взять и начать применять подходящие советы, но почему-то так не получается. Я забываю, куда кладу их, впрочем, как и другие вещи. Хотя некоторые советы я, похоже, запомнила наизусть:

Создавай спокойствие.

В ожидании улучшения погодных условий подыщи тихую бухту.

Когда эмоции накалены, ничего не предпринимай.

Посмотри на все со стороны!

Универсальный совет: не торопи время.

Эти советы — маленькие проблески надежды, которые, по крайней мере ненадолго, вселяют в меня веру в лучшие времена. К сожалению, эффект от них часто пропадает, как только я покидаю приемную врача. Я плохо представляю себе, как претворить рекомендации в жизнь. Между разумом и душой лежит пустошь, которую не возделать. Все дороги моего внутреннего мира изъезжены вдоль и поперек, а проложить новые — выше моих сил. И все же здесь, в маленьком кабинете Йуара, я чувствую, что изменения возможны.

Он тянется за лежащей на письменном столе брошюрой.

— Вот, только что вышла в печать. Возьмите, может быть, пригодится.

Доктор протягивает мне брошюру «Звон в ушах, краткое руководство».

Когда к Йуару заходит следующий пациент и в холле опять становится пусто, я украдкой подхожу к столику, незаметно вырываю из журнала страницу с письмом читателя и прячу в карман. Потом покидаю консультацию, спустившись на лифте в темный вестибюль и выйдя на ярко освещенный солнцем тротуар.

* * *

Мы думаем, что запоем ощущение одиночества. Мы думаем, что запоем, каково это — быть любимыми. Оба эти представления ошибочны. Мы помним очень мало, даже из того, что обещаем себе никогда не забывать.

Я помню отдельные моменты, когда думала: «Это ощущение нужно сохранить». Например, стоя на пешеходном переходе под проливным дождем в ту осень, когда только что встретила Эрика. «Запомни, как ты сейчас счастлива, — говорила я себе. — Постарайся запомнить этот момент».

Потом я его забыла.

Теперь бóльшую часть времени я провожу в спальном районе, в душевой двушке, купленной вместе с Эриком, и пытаюсь найти соломинку, за которую можно хоть как-то ухватиться — будущее, некий план действий, способ прожить оставшуюся жизнь — иначе говоря, всякие мелочи. Двадцать лет назад я твердо верила в то, что меня никогда не подведет способность выбирать для себя из всех дорог правильную. А сейчас я стою в заросшей канаве, сбившись с пути, и уже даже

САРА ПАБОРН

не знаю, где проложены дороги. Мне кажется, будто вдалеке что-то происходит, я слышу шум, но вокруг столько преград, что ничего не разобрать. Кроме того, вполне возможно, что это шумит у меня в ушах.

Без всякого преувеличения, я терзаюсь муками и нахожусь в полной растерянности.

По дороге домой заскакиваю в кондитерскую. Заказав кофе и пирожное, усаживаюсь за столик на террасе на углу улицы — как раз там, куда раннее летнее солнце робко бросает свои лучи. Выезжать в центр и заходить в разные кондитерские, притворяясь, будто мы живем в этом квартале, было одним из наших с Эриком воскресных развлечений. Он всегда заказывал что-нибудь из приторно сладкой выпечки с зеленым марципаном или дрожащим желе. Я обычно брала пропитанное пуншем или миндальное пирожное. Мы оба читали газету и обменивались прочитанными страницами. Оба пили кофе ведрами. Обоим нравилось зависать по воскресеньям без особой цели в чужом квартале.

Сегодня поездка на автобусе и метро в центр Стокгольма кажется мне путешествием во времени, возвращением в эпоху, когда я еще работала радиоведущей и никогда бы не смогла себе позволить сидеть в кофейне в разгар рабочего дня. Возвращением к самой себе, только молодой и не отягощенной тревогами. Может быть, поэтому я и стремлюсь попасть в эти края, езжу сюда к тому же стоматологу, к которому ходила раньше, и теперь еще к Йуару. На самом деле ни сеансы когнитивно-поведенческой терапии, ни пирожные в одной из самых дорогих кондитерских города мне не по карману. Но я предпочитаю смотреть на это как на пусть и маленькую, но волю к жизни: несмотря ни на

что, я сижу тут и притворяюсь, будто этот краткий перерыв на кофе — часть моего заведенного ежедневного распорядка.

Тридцать две кроны за пирожное. Тридцать восемь за самый обычный кофе. Хорошо еще, что можно подливать бесплатно. И маленькие квадратные салфетки с выбитым кобальтовыми буквами названием кондитерской «Тёссе». Я прячу несколько таких салфеток в карман куртки вместе с пакетиком сахара. Мало ли, пригодятся.

Краем глаза замечаю, что на меня подозрительно смотрит аккуратно причесанный седовласый мужчина. Десять лет назад он, наверное, наклонился бы ко мне и, слегка смущаясь, спросил: «Извините, что отвлекаю вас, но не вы ли написали книгу о том, как сохранить отношения? Я видел вас по телевизору».

А я бы снисходительно ответила: «Да, все правильно. Надеюсь, книга доставила вам удовольствие. Спасибо, что читаете!»

И после этих слов, улыбаясь, продолжила бы греться на солнышке. А сейчас все по-другому. Меня больше никто не узнает. В студийных фотографиях, опубликованных на последних страницах обложек моих книг по практической психологии, мало общего с моим нынешним — бледным и угловатым — лицом. «Не засыпайте, не помиривайтесь», «Любите будни» и «Лучшее из лаборатории любви» — это все мои книги. Бестселлеры. По крайней мере, по шведским меркам.

К сожалению, книгу «Разведись и будь счастлива», в написании которой я раскаиваюсь с учетом всего, что произошло после, больше обсуждали, чем покупали. В связи с моим собственным грязным разводом всегда

можно было поиздеваться над каким-нибудь тривиальным советом.

Все эти книги я писала в своей прежней жизни, когда полагала, будто практически все можно вылечить доброй волей и упорством. Именно это люди и хотят слышать, как ничто другое. Что все устроится, стоит только достаточно сильно захотеть. Что нам все подвластно. Что мы можем стать кем пожелаем. Решать свою судьбу. Только все это — неправда, и мне это известно как никому другому.

Есть еще непредвиденное — ручей жизни, стремящийся к неведомому морю, о существовании которого мы и не догадываемся.

Налив себе еще кофе, я достаю из кармана письмо в редакцию, разглаживаю на столе и перечитываю. Задумываюсь — как она выглядит, эта женщина, написавшая письмо? Как ее зовут? Где находится? Проживает ли она в отдельном доме, или квартире, или, может быть, в доме престарелых? Интересно, их по-прежнему так называют? Я задаюсь вопросом: хочет ли она попытаться найти любовь своей юности и что скажет ему, если ей удастся с ним связаться? Что говорят после шестидесяти лет разлуки? «Мне тебя не хватало»? «Где ты был все эти годы»?

Автор письма потеряла мужа тогда же, когда и я. Ее муж умер, а мой меня просто бросил.

Но только я пока с трудом могу заставить себя взглянуть в зеркало, а она начала строить фантазии о любви своей юности. Видящая сны. О том, что предмет ее девичьей любви все еще думает о ней и пытается найти спустя все эти годы. Попадись мне это письмо на глаза несколько лет назад, я бы не приняла его

всерьез, сочтя бредом сумасшедшей. Не знаю, с чем это связано — с возрастом ли, с кризисом или внезапной сменой характера, но я уже не могу с прежней легкостью отмахиваться от других людей. Было так приятно с полной ясностью осознавать, кто из окружающих умен, а кто — нет. Быть убежденной в своей способности к здравым суждениям и держать все под контролем. Видя, как кто-то другой оступился, я даже могла испытывать какое-то злорадство. Лишиться такого развлечения — уже само по себе чертовски обидно. Сейчас я в лучшем случае смеюсь в компании других. Если я и смеюсь над кем-нибудь, то только от испуга, что лишь тонкая грань отделяет их напасти от моих собственных.

Я никогда особо не стремилась проявлять солидарность с попавшими в трудную ситуацию. Просто так сложилось.

Видящая сны хочет разглядеть мерцание в старой ряби на воде.

Видящая ищет способ обрести душевный покой. В этом она не одинока.

Я не могу отделаться от мысли, что, вопреки всему, в людях, готовых отдать свою жизнь в руки совершенно чужого человека, есть нечто трогательное, лишь бы речь не шла о пустяках.

* * *

Я много лет проработала репортером в популярной радиопрограмме, куда люди звонили, чтобы поговорить о любви и отношениях. Получалось настолько хорошо, что мне дали возможность запустить собственную программу — «Лаборатория любви» — с участием экс-